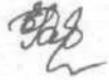

На правах рукописи

Гаврилова Елена Ивановна

**ВСТАВКИ
В ТЕКСТОЦЕНТРИЧЕСКОМ И АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ
АСПЕКТАХ**

Специальность 10.02.01 - русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Барнаул 2003

Работа выполнена на кафедре современного русского языка
Новосибирского государственного педагогического университета

Научный руководитель;

кандидат филологических наук,
доцент Н.П. Перфильева

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор И.А. Нагорный;

кандидат филологических наук,
доцент Е.Г. Гусар

Ведущая организация:

Новосибирский государственный
университет

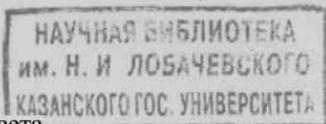
Защита диссертации состоится 11 апреля 2003 года в 10 часов
на заседании диссертационного совета Д 212.005.01 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических
наук в Алтайском государственном университете (656099, г. Барнаул,
ул. Димитрова, 66).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Алтайского
государственного университета.

Автореферат разослан

«27» февраля

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Лукаш

Е.В. Лукашевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объектом диссертационного исследования являются тексты и текстовые фрагменты, насыщенные вставками, например:

...Я «наименее рожденный человек», как бы «еще лежу (комкан) в утробе матери» (ее бесконечно люблю, т.е. покойную мамашу) и «слушаю райские напевы» (вечно как бы слышу музыку, - моя особенность). И «отлично! совсем отлично!» На кой черт мне «интересная физиономия» или еще «новое платье», когда я сам (в себе, комке) бесконечно интересен, а по душе — бесконечно стар, опытен, точно мне тысяча лет и вместе — юн, как совершенный ребенок... Хорошо! Совсем хорошо... (В.В. Розанов. Уединенное).

Свое внимание мы остановили на художественных и публицистических текстах, поскольку в текстах данных стилевых принадлежностей есть много общего: во-первых - высокая степень индивидуализации, по сравнению с другими стилями (что является важным при изучении языковой личности); во-вторых - использование образных средств языка: тропов и фигур экспрессивного синтаксиса; в-третьих - у текстов этих стилей иногда может совпадать задача - воздействие на адресата.

Термин «вставка» употребляется в современной лингвистике в двух значениях: первое - «это любая часть текста, заключенная в скобки», второе - это «часть высказывания, особым способом соотнесенная с другими его частями (на письме обозначается по-разному - скобками или тире)» (Прияткина 1990). В диссертационном исследовании мы придерживаемся второго определения вставки.

В лингвистической литературе это синтаксическое явление именуется по-разному: «вставные компоненты» (М.А. Авласевич; В.В. Бабайцева, Г.Г. Инфантова и др.), «вставные единицы» (Л.С. Пастухова), «вставные элементы» (С.Г. Онишко; А.Э. Стунгене; Н.М- Шанский, Ц.П. Распопов и др.) и наиболее распространенная номинация - «вставные конструкции» (Т.Н. Акимова; А.И. Аникин; Н.С. Валгина; С.В. Вяткина; М.Н. Кулаковский; Э.П. Новоселецкая; И.А. Старовойтова; В.А. Шаймиев).

Использование термина «вставка» в диссертационном исследовании обусловлено двумя факторами. Во-первых, объем вставки может быть различным — от графемы до нескольких абзацев, к которым не применимы номинации «компоненты», «единицы», «элементы», «конструкции». Во-вторых, под термином «конструкция», вслед за А.Ф. Прияткиной, мы понимаем «относительно самостоятельное, целостное (неделимое на части без потери общего значения) и оформленное по некоторой грамматической схеме синтаксическое единство. Иными словами, привести пример той или иной конструкции нельзя - можно привести пример ее речевой реализации; конструкцию можно описать или представить с помощью символов, дать в схематической записи» (Прияткина, 1990). Именно поэтому термин «конструкция» при анализе вставок не используется.

Актуальность темы исследования прежде всего определяется тем, что существующие определения вставки как элемента, несущего информацию добавочного, дополнительного, попутного, комментирующего, уточняющего характера (В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов; Н.С. Валгина; Грамматика русского языка 1954; М.В. Ляпон; Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова и др.), не отражают наиболее существенных дифференциальных признаков вставки. Эти определения не позволяют разграничить вставку и ряд смежных с ней явлений. Между тем в области синтаксических явлений намечается ряд оппозиций: «вставки - вводные элементы», «вставки - обособленные члены предложения», «вставки - предикативные части сложного предложения», «вставки - присоединительные конструкции». И если оппозиция «вставки - вводные элементы» определена, то признаки остальных оппозиций, как правило, не выделялись. Таким образом, дефиниция вставки настолько расплывчата, что не может быть рабочим определением.

Актуальность темы исследования обусловлена и тем, что, хотя вставки достаточно изучены в формальном (А.И. Аникин; Ю.М. Златопольский; Л.С. Пастухова; Р.М. Романова; А.И. Студнева и др.), семантическом (А.И. Аникин, С.В. Вяткина; С.О. Глушакова; Л.А. Мыльцва; Э.П. Новоселецкая; А.И. Студнева и др.) и функциональном (М.А. Гавриленко; С.О. Глушакова; М.Н. Кулаковский; Э.П. Новоселецкая и др.) планах, их анализ производился, по большей части, в рамках предложения, а не текста. Подобный подход не позволяет определить все дифференциальные признаки вставки.

Смена научных парадигм, произошедшая в конце XX в., когда приоритетными в изучении языка становятся текстоцентрический и антропоцентрический подходы, дает возможность по-новому взглянуть на вставки. В текстовом аспекте вставки рассматривались как текстообразующие единицы: исследовано участие вставок в реализации текстовых категорий когезии, проспекции и ретроспекции (В.А. Шаймиев), выявлены лишь некоторые текстовые функции вставок — они могут создавать «ситуации контраста» (М.Н. Кулаковский; В.А. Шаймиев), в то время как текстовые фрагменты, насыщенные вставками, изучены мало.

Особенно актуальным для нашего исследования становится коммуникативно-прагматический аспект изучения вставок (Т.А. Колосова; С.Г. Онишко; Н.П. Перфильева; И.Г. Сагирян; И.А. Старовойтова), помогающий определить специфику этого синтаксического явления с опорой на компоненты коммуникативной ситуации: участников общения, их интенций и самого текста, сообщения. Учет текстоцентрического и антропоцентрического подходов в изучении вставок (как известно, «за каждым текстом стоит определенная языковая личность») позволяет определить коммуникативные задачи, интенции говорящего, его языковой вкус.

Цель диссертационного исследования - охарактеризовать специфику вставок как особого синтаксического явления, представить многоаспектный

анализ вставок, функционирующих в публицистических и художественных текстах повествовательного характера.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- 1) дать интерпретацию, существующих в современной лингвистике подходов к изучению вставки;
- 2) выявить существенные дифференциальные признаки вставки и построить ее дефиницию, учитывающую релевантные признаки в отличие от смежных явлений;
- 3) определить, существуют ли различия между вставками в спонтанной и подготовленной речи (их природа, способ оформления, функции и т.д.);
- 4) установить возможности вставок организовывать взаимодействие участников литературной коммуникации;
- 5) выявить способность вставок актуализировать определенные личностные характеристики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сущность вставки, на наш взгляд, обнаруживается в коммуникативно-прагматическом аспекте. При этом необходимо различать вставки в спонтанной и подготовленной речи. Вставки в спонтанной речи появляются как следствие нечеткого планирования речи, одновременности процессов мышления и речи. Вставки в подготовленной, обработанной речи являются особым способом, приемом построением текста, намеренным делением текста на основное и вставное звено, обусловленное определенными интенциями субъекта речи.

2. Под вставкой мы понимаем высказывание, как правило, формально лишенное самостоятельности путем включения его в другое высказывание, особым способом связанное с ним (что находит выражение в интонационном разрыве на границах вставки и включающего контекста и на письме маркируется скобками, тире или многоточиями), нарушающее линейность речи и создающее двуплановость повествования.

3. Вставки как синтаксическое явление, способное создавать двуплановость повествования, являются показателями «внутренней» и «внешней» диалогичности текста.

4. Вставки (при их большой насыщенности в тексте) отражают некоторые личностные характеристики: способность к рефлексии, ассоциативность мышления, настроенность на продуктивную коммуникацию.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что представлена интерпретация различных аспектов изучения вставки, существующих в современной лингвистике, в результате этого многоаспектного подхода выявлены дифференциальные признаки вставки и на их основе построена дефиниция вставки; разграничены вставки в спонтанной и подготовленной речи. Обозначены и описаны функции вставок как маркеров диалогичности текста: вставки могут создавать «внутреннюю» диалогичность - представленность в тексте разных смысловых позиций, точек зрения «действующих лиц» текста — повествователя и персонажей; и «внешнюю»

диалогичность - организацию коммуникации повествователя с идеальным читателем. Исследование вставок в антропоцентрическом аспекте показало, что по одним вставкам портрет языковой личности, естественно, составить невозможно, но в дискурсе говорящего, насыщенном вставками, можно выявить некоторые особенности языковой личности.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в практике школьного и вузовского преподавания, при обучении построению письменного текста и при проведении лингвистического и литературоведческого анализа текста.

Эмпирической базой нашего исследования послужили картошка контекстов, насыщенных вставками, в которых количество вставок, оформленных графически, составляет более 4 500.

Материалом исследования послужили романы В.В. Набокова «Король, дама, валет» и «Лолита», Ю.В. Бондарева «Берег», повести В.П. Катаева «Трава забвенья» и «Алмазный мой венец»; рассказы В.М. Шукшина, новеллы Ю.О. Домбровский, очерк Е.Н. Ильина «Путь к ученику», лирико-философские записки В.В. Розанова «Уединенное» и «Опавшие листья», очерки В.М. Пескова о природе, опубликованные в газете «Комсомольская правда», публикации в газете «Артфонарь» (за 1994 - 1996 годы).

Основными методом исследования является описательный. В работе также использовались элементы дистрибутивного, трансформационного, компонентного и количественно-статистического анализов.

Диссертация прошла апробацию в форме докладов «а межвузовских конференциях профессорско-преподавательского состава городов Новосибирска, Иркутска и Ачинска. (1998 - 2002 гг.). По теме диссертации имеется 6 публикаций.

Структура работы. Диссертация построена так, что в первой главе рассматриваются результаты лингвистических исследований вставок в формальном, семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах и выявляются дифференциальные признаки вставки в этих аспектах, во второй главе представлено исследование вставок в текстоцентрическом аспекте, а в третьей - в антропоцентрическом. Таким образом, диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается тема исследования, ее актуальность в научной новизна, определяются цель и задачи работы.

В первой главе «Аспекты изучения вставки в современной лингвистике» рассмотрит существующие в современной лингвистике подходы к изучению вставки и выявлены в соответствии с обозначенными аспектами ее дифференциальные признаки.

Исследования вставочности со времен их «официального» отделения от вводных единиц (с середины 50-ых годов XX века) проводятся в самых различных аспектах. Как показал анализ научной литературы, интересы ученых в основном были сконцентрированы вокруг трех подходов к изучению

Наиболее последовательно и скрупулезно (особенно в 60-ые годы) вставки изучались в рамках формального аспекта. Изучая вставки в формальном аспекте, исследователи в первую очередь акцентируют внимание на том, что между вставкой и включающим контекстом существуют синтаксические связи. Изучение этих связей выявило два круга проблем: особенности этой «взяи и средства ее выражения. Как это ни странно, но в первых работах, посвященных этой проблеме (А.И. Аникин, Грамматика русского языка 1954, А.И. Студнева), особое внимание уделялось выявлению средств связи вставки и включающего контекста, а не специфике этой связи, в которой М.И. Черемисина и Т.А. Колосова справедливо видят проблему подобных синтаксических построение. Так, еще в работах 50-80-ых годов XX века были выявлены грамматические и лексико-грамматические средства связи вставок с включающим контекстом (А.И. Аникин, А.И. Студнева, В.А. Шаймиев и др.).

Как справедливо отмечают А.И. Аникин, А.И. Студнева, А.Ф. Прияткина и некоторые другие, связь, которую образуют между собой вставка и включающий ее контекст, не является ни сочинением, ни подчинением, и даже если средством связи являются синтаксические средства, типичные для указанных выше видов связи, это лишь материальное совпадение. Особенности этого вида связи (не имеющего пока названия) состоит, по мнению А.Ф. Прияткиной, в свободе включения вставки в состав включающего контекста. Это включение не влияет на традиционные связи внутри высказывания и не нарушает его интонационной целостности: «Высказывание строится как бы без учета вставки, поэтому все его внутренние связи и отношения должны быть совершенно независимы от наличия или отсутствия вставного компонента» (Прияткина 1990).

Несмотря на свободу включения, в одних случаях вставка принимает вид единицы зависимой, формально связанной с включающим контекстом, в других же случаях вставка независима от включающего контекста.

Вставки первой группы А.И. Аникин и Л.С. Пастухова называют сепаратизованными, А.Ф. Прияткина - вставками неконструктивного типа, в работах последних лет - И.Г. Сагиря и И.А. Старовойтовой - альтернативными вставками. Такие вставки по форме выражения совпадают с невставной частью высказывания и имеют «зависимую» структуру, что находит отражение в грамматической выраженности связи с включающим контекстом. При элиминации скобок, то есть при лишении «вставного характера» высказывания, такие вставки естественно, без структурных изменений входят в состав включающего высказывания, не нарушая ни своей, ни его организации, например:

«Ее удивляло, что у нее в доме (особенно полюбившемся ей с тех пор, как Франц стал в нем, что называется, «своим человеком»), живет еще кто-то другой (В.В. Набоков, Король, дама, валет).»

Вставки второй группы, которые А.И. Аникин и Л.С. Пастухова называют собственно вставками, А.Ф. Приплата - вставками конструктивного типа, И.Г. Сагирян и И.А. Старовойтова - безальтернативными вставками, состоят из графем, словоформ, словосочетаний, предикативных единиц; когда нет возможности сиять знаки препинания, так как вставка таким образом не «встраивается» во включающее высказывание. Структурное своеобразие вставок состоит в формальной невыраженности связи с включающим контекстом, например:

Чурикова с годами становится все более интересной, значительной (истинная женщина!), статной. Она не прячет своих лет (Артфонарь. - № 20.-1996).

Такие вставки подтверждают мнение А.Ф. Прияткиной а свободном включении вставок, когда они вклиниваются во включающий контекст, нарушая последовательность его компонентов.

Свобода включения и формальная изоляция вставки в первую очередь проявляются в особенностях интонации, о которых пишут авторы «Граматики русского языка», А.И. Аникин, А.Ф. Прияткина, С.Г. Онишко, И.Г. Сагирян. В исследованиях этих лингвистов отмечается, что вставка включается в высказывание, разрывая, размыкая его: вставка произносится с большими паузами на границах с включающим контекстом. При этом, на наш взгляд, можно говорить не только об «интонационном сломе фразы» (С.Г. Онишко) но и об интонационном разрыве, при котором вставка, выпадая из -общего мелодического рисунка высказывания, не нарушает его и имеет свой (не зависящий от включающего контекста) мелодический рисунок.

Интонационный разрыв на письме маркируется специфическим знаком препинания -скобками. Вместе с тем современные исследования показывают, что вставки могут выделяться тире» запятыми, сочетанием этих знаков, а также многоточиями (А.И. Аникин, Б.С. Шварцкопф).

На наш взгляд, специфика связи вставки и включающего контекста проявляется и в позиции вставки относительно включающего ее контекста: она не может располагаться в его начале. В исследованиях А.И. Аникина, Л.С. Пастуховой, М.И. Тягуновой, М.Н. Кулаковского отмечается, что, хотя у вставок нет фиксированного местоположения в высказывании, они могут быть только в финальной части высказывания или внутри его. При этом невозможно поменять порядок следования компонентов (основного и вставного), поскольку вставка каждый раз обнаруживает зависимость от части включающего контекста и» от всего включающего контекста. Порядок следования этих компонентов высказывания демонстрирует направление зависимости; вставка возможна только тогда, когда какая-либо часть высказывания уже состоялась, когда появляется возможность «разорвать» контекст и включить в него вставку (если не будет того, куда можно будет

вклинить вставку - включающего (основного) контекста, то не будет и самой вставки).

Таким образом, изучение вставок в формальном аспекте показало, что между вставкой и включающим контекстом существует особая разновидность синтаксической связи (не имеющая пока названия), отличная от сочинения и подчинения, которая выражается в интонационном разрыве на границах вставки и включающего контекста, на письме маркирующегося «сильными» пунктуационными знаками - скобками, тире и; реже, многоточиями.

Меньше изучены вставки в рамках семантического подхода, по большей части рассматривались лишь те «смыслы», которые вставки вносят во включающий контекст (Т.Н. Акимова; А.И. Аникин; С.В. Вяткина; С.О. Глушакова; Л.А. Мыльцева; Э.П. Новоселецкая; А.И. Студнева), хотя в работах 60-ых годов уже отмечались особенности вставок (в отличие от вводных элементов) в плане семантики (А.И. Студнева). Как известно, именно семантика помогает дифференцировать эти синтаксические явления: вводные элементы передают модусные смыслы, а вставки - информацию диктумного характера.

Исследователи, занимавшиеся проблемой семантики вставок (С.О. Глушакова и др.), отмечают, что выделить разновидности диктумных вставок довольно трудно. Подобная ситуация, как нам кажется, объясняется тем, что вставка (вне зависимости от того, каким языковым знаком она выражена) представляет собой отдельное высказывание со своим диктумом и модусом (с эксплицитно или имплицитно выраженными пропозициями и модусными категориями), поэтому к семантике вставок следует подходить с точки зрения семантики высказывания вообще.

В последние десятилетия особенно актуальным стал коммуникативно-прагматический аспект изучения языка, и поэтому наметился новый поворот в изучении вставок. Скорее всего, специфику и сущность вставки можно определить именно в этом аспекте, то есть если исследовать вставки с позиций участников коммуникации - адресанта и адресата речи.

Считаем необходимым различать вставки в спонтанной и подготовленной речи, поскольку их природа различна. Вставки в спонтанной, необработанной речи демонстрируют неоднородное мышление говорящего, которое проявляется в его способности быстро во время самой коммуникации перестраивать свой дискурс, в зависимости от собственного процесса формирования «мысли-речи», эмоционального состояния, невербальных сигналов со стороны слушающего, а также его внимание к факторам, выходящим за рамки коммуникации, к экстралингвистической ситуации.

Вставки в подготовленной, обработанной и не раз исправленной речи (особенно в художественном тексте) имеет смысл интерпретировать как особый способ подачи информации, как специфическое построение текста, как намеренное деление текста на основное и вставное звено, обусловленное определенными интенциями автора текста (адресанта), главная из которых — воздействие на читателя (адресата). Исследователи, чьи интересы в последние

годы занимал» проблема вставочности (Н.П. Перфильева, С.Г. Онишко, И.А. Старовойтова, И.В. Столярова, И.Г. Сагирян и др.), в своих работах акцентируют внимание не том, что вставка в письменной речи используется субъектом как Определенный композиционный прием именно а этой форме лучше всего «представить данное содержание, поскольку в такой форме» его легче воспринимает адресат.

Как известно; речь представляет собой линейный, последовательный, однонаправленный процесс. Субъект речи не может одновременно говорить о различных одновременно существующих аспектах ситуации, он может описать их лишь- последовательно. Однако бывает необходимость в более полном представлений референтной ситуации со всеми нюансами, поправками, но в этом случае субъект речи наталкивается на структурные ограничения, налагаемые синтаксисом. Вставка же помогает разрешить это противоречие: размыкая основное высказывание, вклиниваясь в него, она нарушает последовательность расположения синтаксических элементов предложения. Благодаря вставке, возникает возможность прервать на некоторое время высказывание, сохранив емкость, концентрированность смысла, и в рамках формально единой структуры сообщить необходимый (по мнению субъекта речи) максимум информации.

Способность вставки нарушать линейность речи ведет % образованию двуплановости изложения, информативной, содержательней двуплановости. Явление двуплановости состоит в том, что в высказывании со вставкой содержание частей (включаящей и вставной) не умещаются в одну плоскость, и вставная часть, содержащая более или менее важную информацию (что зависит от конкретного контекста), выносится во вторую плоскость.

В исследованиях последних лет, ориентированных на прагматический аспект изучения языка, отчетливо выявляются следующие функции вставок, обусловленные интенциями субъекта речи (говорящего, пишущего) такими, как:

1) выравнивание фоновых знаний, пресуппозиций участников коммуникации (об этой функции, как наиболее типичной, пишут Т.А. Колосова, Н.П. Перфильева, С.Г. Онишко):

Дойдя до одного стихотворения, где я описывал осень на даче (ну уж, разумеется, на даче А.М. Федорова), Бунин не торопясь прочитал "его вполголоса и остановился на последней строфе, где мною в поэтической форме была выражена та мысль, что поэт, он же и живописец (депо. в том, что Федоров занимался и живописью), написав натюрморт - глиняный кувшин с астрами, как бы спас эти последние цветы от смерти, дал им на своем полотне вечную жизнь - или что-нибудь в этом роде (В.П. Катаев. Травазабвенья.)

2) актуализация части высказывания, или акцентно-выделительная функция (А.И. Аникин, М.А. Гавриленко Т.А. Колосова, С.Г. Онишко, А.М. Студнева):

(о программе «Куклы»]: ... Голову быстренько прикрепляют к другому торсу, уже одетому белую сорочку, (фирменную, итальянскую) и пиджак (отечественный, МПШО «Большевичка»), поправляют прическу и костюмчик, и съемки продолжается уже с новым телом (Артфонарь. - №9-10. -1996).

3) попутный комментарий (Н.П.Перфильева):

В отличие от многих птиц, для которых гнезда - лишь место для выведения птенцов, дятел свое дупло (да еще и парочку запасных рядом) использует постоянно (В.М.Песков. Барабанщик весны).

4) метатекстовые комментарии, касающиеся содержания включающего контекста (Т.А. Колосова, М.Н. Кулаковский, С.Г. Онишко, В.А. Шаймиев и др.):

...Ведь в таком настроении (буду откровенен) учитель порой бывает придирчив. Смотришь — и посыпались в журнал "двойки" как зерно из дырявого мешка или худого кузова (Е.Н. Ильин, Путь кученику).

5) стремления автора наладить контакт с читателем - фатические вставки (В.А. Шаймиев):

Знаете ли вы, что страстным, чувственным, эротичным до потери сознания (вашего, зритель, сознания!) может быть самый с виду целомудренный спектакль? (Артфонарь. -№18. -1994)

б), создание емкого, неоднородного текста (М.А. Гавриленко, Т.А. Колосова, Н.П. Перфильева и др.):

«Гляди, Лолита, - сказал я спокойно, - Гляди хорошеенько. Разве это не превосходный символ какой-то невероятной беды? Впрочем, - (продолжала я, садясь в автомобиль), - я принял кое-какие меры предосторожности! Вот здесь у меня - (я открыл отделение для перчаток), на этом маленьком блокноте, записан автомобильный номер нашего милого дружка» (В.В. Набоков. Лолита).

Сопоставительный анализ вставки и смежных с ней синтаксических явлений показал, что для их дифференциации основными критериями, помимо интонационного (на границе вставки и включающего контекста создается интонационный разрыв и нарушается интонационная плавность всей фразы), являются следующие: 1) для дифференциации вставки и вводных элементов - семантический: вставка, как правило, содержит диктумную информацию, а вводные элементы - модусную; 2) для вставки и обособленных членов предложения и предикативных частей сложного предложения - коммуникативно-прагматический: вставка актуализирует часть информации и создает двуплановость повествования; 3) для вставок и присоединительных конструкций - другая сторона коммуникативно-прагматического аспекта: вставка нарушает линейность, последовательность речи.

Итак, опираясь на результаты лингвистических исследований вставок и собственный анализ контекстов, считаем возможным выделить следующие дифференциальные признаки вставок:

1. В формальном аспекте - вставки особым способом соединяются с включающим контекстом; эта связь, даже если она выражается грамматически, не похожа на сочинение или подчинение и выражается при помощи интонации: на границах вставки и включающего контекста имеется значительный интонационный разрыв, что в письменной речи маркируется «сильными» знаками препинания (скобками, тире и, реже, многоточиями).

2. В семантическом плане - вставка является высказыванием в высказывании, которое содержит диктумную информацию, расширяет, углубляет ее, и поскольку вставка часто выражается предикативной единицей, то она, как правило, имеет свои диктумные и модусные характеристики.

3. В коммуникативно-прагматическом плане - вставка нарушает линейность речи, создает двуплановость повествования, и ее появление в речи (устной и письменной) обусловлено определенными интенциями субъекта речи: уравнивать пресуппозиции свои и адресата, ввести метатекстовые показатели, актуализировать часть информации или представить ее в качестве попутного комментария, создать объемный неоднородный текст.

Во второй главе «Вставки в текстоцентрическом аспекте, или вставки как показатель диалогичности текста» определено понятие диалогичности текста и проанализированы функции вставок как маркеров диалогичности текста.

Понятие диалогичности как проявления в художественном тексте взаимодействия участников литературной коммуникации — повествователя, персонажей и идеального читателя - представляется нам двусторонним: во-первых, оно затрагивает проблемы ориентированности высказывания (текста) на адресата (читателя), что является свойством любой речи и проявлением коммуникативной функции языка; во-вторых, диалогичность является следствием выраженности в высказывании (тексте) разных смысловых позиций, которые могут развиваться как одним субъектом речи, так и двумя и более.

Вставки, благодаря своей способности создавать двуплановость текста, представлять информацию в двух повествовательных ярусах могут быть показателями диалогичности текста. Большая часть вставок (92%) свидетельствует о «внутренней» диалогичности - представленности в тексте разных смысловых позиций, точек зрения «действующих лиц» текста: повествователя и персонажей; вторая часть вставок (8%) маркирует «внешнюю» диалогичность - организацию коммуникации повествователя с читателем. При этом в обоих случаях происходит воздействие на читателя, «втягивание» его в текстовое пространство: скрытое - в первом случае и явное - во втором.

Вслед за Б.А. Успенским, говоря об авторской точке зрения, мы имеем в виду «не систему авторского мировосприятия вообще (вне зависимости от данного произведения), но ту точку зрения, которую он принимает при организации повествования в некотором конкретном произведении. При этом автор может говорить заведомо не от своего лица (ср. проблему «сказа»), он

может менять свои точки зрения, его точка зрения может быть двойной, то есть он может смотреть (или: смотреть и оценивать) сразу с нескольких разных позиций и т.д.» (Успенский 2000).

Вставки в речи автора-повествователя демонстрируют смену и взаимодействие разных смысловых позиций.

1) Смена позиции рассказчика на позицию объективного, всезнающего автора, например:

- *Как меня встретит семья? - спросил он, тщательно выделяя интонации (но актеры сразу же заметили бы, что он переигрывает). - Странный вопрос. Джен. В конце концов, это оке мои дочери, и моя окена, и мой дом. Я приеду к своей семье и буду разводить розы. Вот и все (Ю.О. Дамбровский. Вторая по качеству кровать).*

В данном контексте вставка эксплицирует знание автора-повествователя об актерской игре и об отношениях в актерской среде. Вставка также показывает, что рассказчик понимает, что Шекспир сам не верит своим словам - он *переигрывает*, то есть играет определенную роль, как в театре.

О смене смысловых позиций в этом контексте говорят и глагольные формы, употребленные в основном тексте и во вставке - *спросил* и *заметили бы*, - разводящие повествование в разные типы модальности - реальную (до вставки) и ирреальную (во вставке).

2) Смена позиции рассказчика на позицию наблюдателя или участника событий, например:

<...> *Затем, снова усевшись, слегка раскачивая ногой в тяжелом блестящем башмаке (и его тень взмахивала на палу большим черным крылом), он [Драйер] говорил о том, с какой нежностью и как весело нужно относиться к вещам, о том, что бывает до смешного жалко тех постаревших галстуков и носков, которых уже никто не покупает, и странная, мечтательная улыбка щекотала ему усы, морщила и снова расправляла складки у губ <...> (В.В. Набоков. Король, дама, валет).*

Вставка, прерывающая повествование, говорит о том, что рассказчик находится рядом с персонажем (чтобы описать тень и сравнить ее с *большим черным крылом*, надо ее видеть) и вступает в роли наблюдателя, присутствующего при разговоре.

3) Смена позиции рассказчика во времени и пространстве, например:

Она [Эрика] дала ему свою визитную карточку (которую он [Драйер] потом оставил в пельнице таксомотора) и на прощание долго трясла ему руку, продолжая быстро-быстро говорить (В.В. Набоков. Король, дама, валет).

В данном контексте о смене позиции во времени свидетельствует наречие *потом* и порядок следования основного контекста и вставки.

4) Смена позиции повествования на позицию описания (создание «крупного плана»), например:

Товарищ сидел в кабинете председателя исполкома — стол, покрытый плюшевой малиновой скатертью, графин с пожелтевшей водой,

полоскательница и лопнувший стакан, - уткнувшись в развернутые листы московского иллюстрированного журнала «Безбожник» под редакцией бывшего нашего же одесского большевика Емельяна Ярославского, так что его лицо скрывалось за небывалой графикой художника со странным, зловещим далее несколько, псевдонимом Моор <...> (В.П. Катаев. Трава забвенья).

Вставки в контекстах подобного типа, показывая смену типов речи - повествование на описание, создают и интересный эффект монтажности: происходит концентрация информации, повествование останавливается, и на его фоне представляется «крупный план» того или иного явления, предмета.

5) Создание интертекстуальных связей, то есть возможность вставок осуществлять взаимодействие текста с другими текстами, например:

Пятидесятидневный срок нашего сожителъства Шарлотта успела избить многолѣтней деятельностью. Бедняжка занялась всѣкими вещами, от которых ей приходилось прежде отказываться или которые никогда особенно ее не интересовали, как будто (чтобы продлить эту серию прустовских интонаций) тем самым, что я женился не матери любимого мноу ребенка, я помог жене вернуть себе в изобилии юность по доверенности (В.В. Набоков. Лолита).

Такие вставки требуют от читателя определенной компетенции: для адекватности восприятия ему необходимо знать другой, упомянутый во вставке, текст и понимать, с какой целью автор включил его в свое повествование.

Вставки, создающие «внутреннюю диалогичность», проявляются в контекстах, демонстрирующих внутренний диалог персонажа: при совмещении внутренней и внешней речи (когда, как пишет В.А. Шаймиев, Персонаж показывается с «внешней» и «внутренней» точек зрения) или при вербализации его внутренней речи.

Контексты второго типа, демонстрирующие только внутреннюю речь говорящего, по данным нашей выборки, достаточно редки - точнее, всего один (что связано со спонтанным характером выборки). Однако этот контекст весьма показателен:

Так прошел час, а он (Шекспир) все лежал на кровати и смотрел в потолок, мысли по-прежнему захватывали его; как всегда это был бессвязный вихрь - одного, другого, третьего, - все без начала и конца.

Он думал еще:

«Питер прав, нужно же было мне скакать сломя голову неведомо зачем!»

(Джен хотел видеть, Джен хотел видеть, Джен хотел видеть - вот и скакал.)

«...Полежу еще немного и спущусь. «Без вина, конечно!» А вот выпью при тебе целую квартиру, тогда ты прикусишь язык».

(Спускайся не спускайся, Джен-то нет...)

Двойной родственник... смерть Рафаэля...

Ах, Волк! Хитрейшая бестия он, скажу вам по совести. Почему он, когда ему рассказывают, сидит и молчит и никогда ничего не спросит? Потому что он знает: ври не ври, а все равно скажешь правду. Но я-то не из таких! Бросай не бросай мне червяка, я на него не клюну, помни это, пожалуйста:

...Смерть Рафаэля... А что, если я с этой самой кровати и явлюсь в царство небесное? О, тогда буду полон «семи смертными грехами, и сегодня прибавится еще новый (не бойся, сегодня ничего не прибавится - ее-то нет!). Я скажу тогда: господи, конечно, я большой грешник, но, сказать по совести, корень всех моих грехов - моя Женитьба. Все, что есть нехорошего, мелкого в моей жизни - все наполнило оттуда. От нее я одинок Ни дома, ни семьи, на детей, - только могила сына да три деревенские ведьмы над ней - вот и все, что у меня осталось под конец. Да еще ты, Джен, если это верно, что ты меня любишь (Ю.О. Домбровский. Вторая по качеству кровать).

Внутренняя речь персонажа представляет собой, как говорит повествователь, «бессвязный вихрь» мыслей (о бешеной скачке, выпивке, Волке, смерти, грехах, женитьбе, одиночестве), в котором выделяется одна, повторяющаяся 4 раза и рефреном пронизывающая весь этот «поток сознания» мысль - о Джен, женщине, которую он любит, оформленная трижды как вставка.

Вставки в этом контексте могут восприниматься как второстепенная информация - это лишь параллельные, «второплановые» мысли на фоне основных. Однако простейшая трансформация - элиминация скобок - показывает, что это не так.

Как это ни парадоксально, именно в трансформе (без скобок) мысль о Джен становится второстепенной, неважной информацией. Элиминация скобок в данном контексте ведет к двум последствиям. Во-первых, исчезает актуализация части высказывания - мысль о Джен «теряется» в общем потоке, в общей массе размышлений и ассоциаций субъекта речи, тогда как в исходном варианте контекста автор показывает, какая мысль является самой важной (опираясь на известные идиомы, можно сказать «сверлит» мозг, «стучит» в голове), и использует для этого прием вставки. Во-вторых, нарушается связность текста - придется вставлять вербальные показатели связи на границах основного текста и вставки, например, присоединительный союз *да*, которым последняя мысль о Джен присоединяется к основному контексту.

Таким образом, вставки позволяют интерпретировать заключенную в них мысль как очень важную для субъекта речи: другие мысли появляются и исчезают, они как бы «наслаиваются» на постоянный смысловой мотив о Джен, это подчеркивается и выделением ее (в первых двух случаях) в отдельные абзацы. Вставки представляют своеобразный внутренний голос Шекспира, вскрывающий истинную причину его поступков и мыслей, и в сочетании с последней фразой создают цельность этого «мысленного хаоса».

Вставки показывают смену субъектов речи, когда во вставке содержится: 1) речь персонажа на фоне невставной, речи повествователя; 2) речь повествователя на фоне невставной речи персонажа; 3) речь одного персонажа на фоне невставной речи другого персонажу. Подобный прием позволяет достаточно лаконично и компактно представить сообщаемую информацию и осветить изображаемое с разных точек зрения, в восприятии не только ведущего субъекта речи, но и других участников коммуникации, реальных, предполагаемых или воображаемых, например:

...Бессознательно набирая рекрутов в захолустях памяти, безотчетно вспоминая подробности, хитрых убийств, описанных когда-то в газетке, в грошовой книжке, и совершая тем самым невольный плагиат, которого, впрочем, избежал один раз Каин, Марта предложила следующее: во-первых, Франц приобретет револьвер. Затем ([1] «Я умею стрелять», - вставил Франц. - «У меня был, помню, духовой пистолет; он стреляя совсем, как настоящий, - мелкими такими пулками...»)) Так как он оружием немного владеет ([2] «Хотя знаешь, милый, нужно будет тебе все-таки подучиться, - где-нибудь за городом...»), то этим дело только облегчается, А состоит оно вот в чем; она задержит Драйера до полуночи в гостиной ((3] «Как ты это сделаешь?» - «Не перебивай, Франц, у меня есть такой способ...»). В полночь она подойдет к окну — в соседней комнате, — отдернет занавеску и так постоит некоторое время. Это будет сигнал. Франц, подошедший в эту минуту к ограде сада, увидит ее. Она бесшумно откроет окно и вернется к Драйеру в гостиную, Франц тогда сразу перемахнет в темноте через калитку ([4] «Это легко сделать... Там, правда, такие железные типы, но можно как-нибудь между ними...») и, очень быстро перейдя сад, войдет в окно. Дверь гостиной будет открыта Он выстрелит с порога. Заберет для видимости бумажник. И сразу исчезнет. Она меж тем быстро поднимется к себе, — разделется и ляжет. Вот и все.

Франц кивнул.

Другой способ такой: она поедет вдвоем с Драйером за город. Предварительно она и Франц найдут место поглуше ([5] «Влесу», — сказал Франц - и представил себе сосновую темную чащу). Он будет ждать за деревом с револьвером наготове. Когда с тем будет покончено, он ей прострелит руку, ([6] «Да, это нужно, милый; это выйдет так естественно, -разбойники, дескать...»). Кроме того, он заберет бумажник.

Франц кивнул (В.В. Набоков. Король, дама, валет).

Во вставках этого текстового фрагмента содержатся реплики персонажей романа: Франца (первая и пятая вставки), Марты (вторая, четвертая и шестая) и их обоих (третья) - на фоне авторского повествования.

Роль вставок в данном контексте достаточно оригинальна. Во-первых, они воссоздают реальный, в рамках текста, диалог Марты и Франца: благодаря вставкам, читатель узнает, что Франк кое-что дополняет к плану Марты (первая и пятая вставки), сомневается в его успешности (третья вставка и шестая - ответ-объяснение Марты «Да, это нужно, милый...» на какой-то

невербальный и имплицитный в этом контексте сигнал со стороны Франца, свидетельствующий о непонимании или удивлении в связи с тем, что ему придется прострелить Марте руку), Марта слегка корректирует свой план (вторая вставка), отягчает на вопросы Франца (третья и шестая вставки).

Во-вторых, вставки демонстрируют, что сам повествователь наблюдает за персонажами, «слышит» их разговор и как бы стенографирует его, с сиюминутными поправкам, вставками и перебивами. Интересно и то, что в данном контексте не только три голоса - повествователь, Марта и Франц, - в нем есть и еще один голос - потенциальные сыщики, расследующие потенциальное убийство Драйера по «второму способу» Марты. Об этом мы узнаем из последней (вставки: реплика Марты «разбойники, дескать...» - ее предположение, как полиция будет интерпретировать это убийство.

Существенными при анализе вставок в данном контексте являются и глаголы, вводящие речь Франца (первая и третья вставки): *вставая, не перебивай*, обозначающие речевые действия, типичные именно для ситуации «вставочности», когда часть информации может вставляться в основной дискурс путем перебивания одним говорящим другому.

На наш взгляд, данный контекст можно интерпретировать и по-другому: повествователь до представления читателю способов убийства сообщает, что Марта «почерпнула» их из газет и книг, поэтому это и плагиат, а не оригинальный план. По сути, то, что предлагает Марта, достаточно типично, вставки же показывают некую адаптацию этого стандарта к конкретной ситуации и конкретным действующим лицам.

Организуя «внешнюю» диалогичность - коммуникацию с читателем, автор использует метатекстовые и фатические вставки. Эти вставки показывают, что пишущий ощущает себя в состоянии диалога с адресатом и заботится об адекватном восприятии своего текста. Метатекстовые вставки являются содержательными, формальными или эмоциональными комментариями собственной речи, они вербализуют рефлексии пишущего - оценку собственной речевой деятельности. Фатические вставки активизируют творческую позицию читателя, приглашают его к сотворчеству.

В третьей главе «Вставки в антропоцентрическом аспекте» вставки проанализированы в том плане, насколько они могут являться характеристикой языковой личности. Для анализа были выбраны дискурсы разных языковых личностей, насыщенные вставками разного характера, - лирико-философские записки В.В. Розанова и очерк Е.Н. Ильина.

По данным текстов лирико-философских записок «Уединенное» и «Опавшие листья» субъекта речи, В.В. Розанова, можно обозначить как лирического героя, основная цель которого — отразить в письменной форме собственное «чувствование» мира.

Все вставки в этих записках с точки зрения композиции текста можно разделить на две группы; внутритекстовые и послетекстовые. Внутритекстовые вставки находятся внутри миниатюры; послетекстовые вставки располагаются

в правом углу после текста миниатюры (в них обозначены «место и обстановкaпришедшеймысли»).

Первая группа вставок (они составляют 72% от общего количества вставок) представляет наибольший интерес. Записки, наброски, зарисовки, отражающие «пришедшие а голову» мысли и фиксирующиеся почти сразу «по приходу», спонтанны, «непричесаны», не всегда как следует обработаны. Этим можно объяснить и такую высокую частотность вставок: вставки - весьма типичное явление для устной формы коммуникации, где они отражают самоперебивы, незапланированные оговорки и поправки, а «Уединенное» и «Опавшие листья» В.В. Розанова очень близки по форме и содержанию к устной спонтанной речи.

Писатель спешит остановить мгновение, зафиксировать его, пока мысль «не ушла», поэтому большая часть вставок, но всей вероятности, связана со спонтанным процессом письма: уже во время записи «мысли-речи» появляются какие-то ассоциации, воспоминания, параллельные «думки», которые вместе с основным размышлением отражаются на бумаге, например:

Почему я так не желаю известности (или влияния) и так (иногда) тоскую (хотя иногда и хорошо от этого бывает на душе), что «ничего не вышло из моей литературной деятельности», никто за мной не идет, не имею школы?<...>

В.В. Розанов настаивает на том, что эти тексты в первую очередь - записи для «себя». Именно поэтому, когда он записывает мысль на бумаге, он фиксирует и ее «побочные ответвления», эксплицируя тем самым другой ход мысли, - в результате этого получается объемное высказывание-размышление, например:

Все критики, признавая ум (уж скорее «гений», т.е. что-то «невообразимое»; а «ума» - ясного, комбинирующего, считающего - не она»много), или не упоминают, или отрицают- сердце: но тогда как же произошел «Семейный вопрос в России» и «Сумерки просвещения», два великих отщепеня за женщин и за гимназистов.

Такие вставки демонстрируют ассоциативное мышление субъекта речи: обозначается четкая ассоциация «ум - гениальность - гений».

В некоторых случаях мысль, выраженная во вставке, как бы опережает еще не написанное (когда «рука не поспевает за мыслью»), например:

<...> Если бы у него отец был дурной-все было бы ясно; но запуталась (честная) «тень отца», и он вышел «Гамлетом» в партии, которая требует действия, единослитности и не допускает сомнений, особенно в уме. А у Короленки есть (тайные) сомнения. Я с ним раз и минутно разговаривал в Таврическом дворце. Несмотря на очарования произведениями, сам он не произвел хорошего впечатления (уклончив, непрям).

Как известно, вставка содержит сведения, относящиеся к предыдущей информации, - она, как правило, направлена влево (например, третья вставка в данном контексте), однако первая и вторая вставки этого контекста -

направлены вправо: они характеризуют следующие за ними существительные и грамматически согласуются с ними.

Используя вставку, В.В. Розанов уточняет, конкретизирует же «выговоренное», написанное. Именно таким образом осуществляется его «правка» текста: не зачеркиваю, не исправляю на лучшее, а оставляю несколько возможных вариантов, например:

Любовь есть боль. Кто не болит (о другом), тот и не любит (другого).

Вставки подобного рода характеризуют В.В. Розанова как человека въездливого в слово, внимательного к выражению мысли и стремящегося к ясности изложения. Вставка, представляющая иной вариант мысли, демонстрирует сложный процесс ее формирования, ее оттачивания в процессе записи. Читатель же воспринимает информацию этих вставок как актуализированную и весьма важную.

В контекстах подобного типа можно наблюдать несовпадение значимости вставок для субъекта речи и для адресата. Рассмотрим в этой связи еще один контекст:

«Поспешно» -

прочел я над адресом, неся Надюшино письмо на кухню (откуда берет их почтальон). И куда это Пучек (прозвище) пишет свои письма все «поспешно». Раньше все причала: «Папа! - мне заказное» (т.е. послать «заказным»). Я наконец рассердился на расходы, и говорю: «Да зачем тебе заказным?» - «Скорее доходит!» - «Да, напротив, заказное идет медленнее, а тольковернее доходит».

Несомненно, что информация, помещенная в скобки, для субъекта речи - излишняя, ведь, описывая этот случай из «домашней жизни», он знает: и почему письма относят на кухню, и кто такая Пучек, и что значит мне заказное. На наш взгляд, такие вставки можно интерпретировать двояко. Если это вставки «для себя», то субъект речи, опасаясь за свою память, вводит некоторые пояснения на будущее (за истечением времени) прочтение. Если же это вставки «для адресата», то это типичные вставки, уравнивающие фоновые знания: читатель, естественно, не знает о том, что в этом доме письма почтальон забирает из кухни, что прозвище Нади в семье «Пучек».

Однако довольно трудно провести границу между вставками «для себя» и вставками «для читателя», тем более что сам В.В. Розанов - первый читатель и главный адресат своих записей. Но, несомненно, даже несмотря на оригинальность выдуманного им жанра, на нестандартность мыслей и способа их записи, В.В. Розанов как субъект речи, вынужден заботиться об адекватности восприятия своей речи. Поэтому в этих записках он выступает одновременно в качестве и говорящего, и слушающего.

Вторая группа вставок - послетекстовые (они составляют 28% от общего количества вставок) - представляют собой определенную систему: они сопровождают больше половины текстовых миниатюр В.В. Розанова (около 60%), располагаются, как уже было отмечено, в правом углу в конце текста и содержат информацию об обстоятельствах «пришедшей мысли».

В отличие от вставок первой группы, появление послетекстовых вставок - это намеренное выделение В.В. Розановым «места и обстановки мысли», которые весьма разнообразны и в большинстве случаев никак не связаны по содержанию с самой текстовой миниатюрой. Благодаря им, мы узнаем, где находился писатель, чем занимался в тот момент, когда его «посетила мысль», на чем была сделана запись, какого числа и в какое время суток.

Послетекстовые вставки во всей трилогии, во всем цикле создают эффект «жизни»: философские рассуждения В.В. Розанова воспринимаются в контексте бытия, каждодневной жизни, в экстралингвистической ситуации, они раскрывают искренний и интимный мир писателя.

Такие вставки - это своеобразный текст в тексте. Писателю важно записать эти «обстоятельства», обозначить их, поскольку они показывают коммуникативную ситуацию, и вывести в качестве вставок в другую плоскость, не отражающую непосредственно речь, а содержащую только ее исток, окружение, атрибутику.

Лишь в некоторых случаях можно говорить о смысловой связи послетекстовой вставки и самой текстовой миниатюры, тогда вставка раскрывает тему миниатюры, дает «название» тексту:

Вечно мечтает, и всегда одна мысль: как бы уклониться от работы.

(русские).

Плодите священное семя, а то весь народ задичал.

(к многоплодию у духовенства).

От всего ушел и нигде не пришел.

(о себе).

Таким образом, тексты лирико-философской прозы В.В. Розанова демонстрируют весьма субъективную манеру письма, языковой вкус писателя, неотъемлемой чертой которого являются вставки, демонстрирующие особое внимание субъекта речи к слову, к способу выражения мысли и ее письменной фиксации.

Их большое количество связано прежде всего со спонтанным процессом письма, когда в процессе порождения речи происходит одновременно и формирование мысли, и ее фиксация на письме. Вставки демонстрируют ассоциативность мышления субъекта речи - эксплицируются побочные, параллельные мысли, и уже трудно судить о том, какая из них (основная или параллельная) является наиболее важной.

Вставки, фиксирующие «место и обстановку пришедшей мысли» (послетекстовые вставки), открывают бытовой контекст жизни В.В. Розанова, обозначают условия, коммуникативную ситуацию, в которой «произошла» текстовая миниатюра, и придают текстовой миниатюре и всей трилогии особый, достаточно оригинальный, смысл: «я пишу везде, всегда, используя все, что есть под рукой», «пишу обо всем, что происходит со мной и вокруг меня».

подавляющее большинство вставок в дискурсе Е.Н. Ильина - вставки, уравнивающие фоновые знания адресата и адресанта (они составляют 40% от общего количества вставок), например:

<...> Учился я в IV классе и, оказавшись без присмотра (мать днями и вечерами работала), стоя отбиваться от дома.<...>

Словесник ближе других к педагогике, Потому что, с одной стороны имеет дело с конкретным человеком (Васей, Митей, Надей...), а с другой - с обобщенным (Печориным, Натровым, Болконским).<...>

Поясняющую функцию, на наш взгляд, выполняют и вставки, в которых содержится указание на литературный источник темы сочинений - *Последний опыт Базарова...* («Отцы и дети»), «*Два берега - у одной реки...*» («Гроза»); уроков или их фрагментов - «*Дорогой, многоуважаемый шкаф!*» (по пьесе «*Вишневый сад*»), сцена «*Давыдов на поите*» («*Поднятая целина*»), собирательный образ интеллигенции («*Мать*»), крестьянской массы («*Поднятая целина*»); источник цитаты - *Но мысль ужасная здесь душу омрачает...* («*Деревня*»).

Подобные вставки говорят о настроенности субъекта речи на продуктивную коммуникацию с адресатом, которого он видит таким же, как и он - учителем. Вставки, по сути выполняющие служебную, вспомогательную функцию, могут помочь читателю-учителю: направить его к нужному литературному источнику.

Функцию актуализации выполняют вставки-графемы, выраженные восклицательным знаком, которые составляют около 26% от общего количества вставок. Большое количество таких вставок, на наш взгляд, говорит о нескольких характеристиках языковой личности Е.Н. Ильина.

Во-первых, маркируя¹ текст подобными вставками, субъект речи предписывает адресату: «обрати на это внимание, это важная информация», то есть, как уже было сказано, актуализируют предшествующую информацию, например:

Трех томиков Есенина «эрудитам» оказалось мало. Потянуло на критическую и прочую литературу, ту самую пожелтевшую, что ходит по рукам. Да, говорили эрудиты, Есенин талантлив: от природы! Но поэт, как и всякий из нас, живет в обществе и обязан четко (!) выразить свою позицию.

Во-вторых, это может быть связано с тем, что субъект речи положительно оценивает предшествующую информацию и предстает, таким образом, как личность, положительно настроенная по отношению к окружающему миру (вставки оценивают предшествующую информацию как - «это хорошо»).

Положительную оценку вызывают различные реалии, как правило, это методические и воспитательные аспекты преподавания, например:

<...> А без улыбки учителю (!)-да еще и литературы (!)-нельзя.

...«Прежде чем угостить Пьера картошкой, Каратаев достал складной ножик разрезая на своей ладони картофелину на равные две половины...и поднес Пьеру». В балагане темно. Каким чудом совершилось это

равенство двух половинок? И почему именно на равные (!) половины надо (!) разрезать картофелину? Если не двум, а одному - предназначена она? Важность детали Толстой акцентирует порядком слов, интонацией.

Следует отметить, что, скорее всего, вставка-восклицательные знаки полифункциональны. Как видно из контекстов, они, одновременно и актуализируют часть информации, и дают ей положительную оценку.

На наш взгляд, включая в свой дискурс такие вставки, языковая личность проявляется именно как методист, хотя и имплицитно выраженный. Именно поэтому большая часть вставок-графем, выраженных восклицательным знаком, появляется во фрагментах текста, в которых: 1) описываются методы и приемы обучения; 2) анализируются и интерпретируются художественные тексты.

Восклицательный знак сопровождает также и вербальные вставки (таких вставок 11% от их общего количества), например;

Вот и пушкинская формула счастья, бесхитростная и емкая: сколько способностей жить чувствами (в любом возрасте!) - столько и счастья...

Подобные вставки также актуализируют помещенную в них информацию и являются неконструктивными по форме, но они конструктивные по содержанию - их эмоциональный характер не дает возможности элиминировать скобки.

Таким образом, вставки в дискурсе Е.Н. Ильина говорят о нем как о человеке очень эмоциональном, положительно настроенном на восприятие окружающего мира, и, хотя он всего лишь делится опытом, а не пишет методические рекомендации, он прежде всего выступает в своей социальной роли - роли учителя.

В заключении подводятся итоги исследования и формулируются выводы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Гаврилова Е.И. Функции вставных конструкций в жанре путешествий (XIX в.) // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения доктора педагогических наук, профессора В.Д. Кудрявцева. Иркутск, 1998. С. 169-171.

2. Гаврилова Е.И. Вставки в письменных текстах, имитирующих устную речь // Человек - коммуникация - текст. Вып. 4. Барнаул, 2000. С. 158-162.

3. Гаврилова Е.И. Проблема интерпретации вставок в текстах «Уединенное» и «Опавшие листья» В.В. Розанова // Проблемы интерпретационной лингвистики: Межвуз. сб. научн. тр. Новосибирск, 2000. С. 107-114.

4. Гаврилова Е.И. Вставка и смежные с ней синтаксические явления // Материалы международной научно-методической конференции «Русский язык: вопросы теории и инновационные методы преподавания». В 3 ч. Иркутск, 2001. Ч.1. С. 42-47.

5. Гаврилова Е.И. Вставки как маркер диалогичности текста // Проблемы интерпретационной лингвистики: автор - текст - адресат: Межвуз. сб. научн. тр. Новосибирск, 2001. С. 134-141.

6. Гаврилова Е.И. Вставки в рассказах В.М. Шукшина // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 4(12). Красноярск, 2002. С. 11-14.